

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

НАУКА В СССР

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ

Джонсон Д.Э.

**КАК САНКТ-ПЕТЕРБУРГ УЧИЛСЯ ПОЗНАВАТЬ СЕБЯ:
РУССКАЯ ИДЕЯ КРАЕВЕДЕНИЯ
(Реферат)**

Ref. ad op.: Johnson D.E. How St. Petersburg learned to study itself:
The Russian idea of kraevedenie. - University Park: Pennsylvania state
univ. press, 2006. — XIII, 303 p.

В монографии доцента университета Оклахомы Эмили Д. Джонсон, работавшей в России в 1990-е годы, в том числе в качестве экскурсовода в Санкт-Петербурге, исследуется история формирования русского краеведения. Термин «краеведение», отмечает автор, незнаком американцам и большинству западноевропейцев. Вместе с тем в немецкой традиции имеется схожая дисциплина под названием «Heimatkunde», что в буквальном переводе означает «родиноведение».

В России изучение края до начала XX в. также называлось «родиноведением», а термин «краеведение» приобрел популярность только в начале 1920-х годов. Краеведы считают географию края одним из определяющих факторов, наряду с социальной средой, символами, мифами, стереотипами, историческими представлениями, на которых выросли они сами; краеведы - это в большинстве случаев исследователи своего родного края. В этом смысле, пишет автор, краеведение - наука об идентичности. Краеведение стало платформой для определения истоков «русскости». Джонсон рассматривает краеведение как форму общественно-политической деятельности, тесно связанную с движениями по охране исторических памятников и окружающей среды (с. 6). В краеведческих исследованиях часто принимают участие неспециалисты, любители, и это, отмечает автор, является характерной чертой любой науки об идентичности (с. 7).

История развития русского краеведения соответствует представлениям западных ученых о генезисе науки, согласно которым научная дисциплина является «сложным культурным конструктом», продуктом социальных отношений эпохи, а не результатом деятельности одного человека или группы людей (с. 215). Джонсон подчеркивает, что научные дисциплины возникают спонтанно в результате различного рода социальных взаимодействий — между учеными сообществами, частными и общественными организациями, группами по интересам.

Именно поэтому многие из них, включая краеведение, поначалу обладают гетерогенной структурой, т.е. основываются на теориях и методах, принадлежащих различным школам, и зачастую не воспринимаются как самостоятельные дисциплины членами научного сообщества. Однако со временем, пишет Джонсон, различия стираются, ученые осознают свою «коллективную идентичность», вырабатываются собственные методы исследования (с. 216).

Объектом изучения в монографии выбран Петербург (Петроград, Ленинград) как город, являющийся местом зарождения и теоретическим центром русского краеведения. Петербург, по мнению автора, обладает самым ярким «культом места», особым символическим значением. С самого начала он создавался как «окно в Европу», как эпицентр петровской кампании вестернизации, как самый западный город полуазиатской России. Начиная с западников и славянофилов, русские интеллектуалы писали о Петербурге, превратив его в центр и объект своих полемических дискуссий. Образ и происхождение Петербурга непосредственно касаются проблемы русской идентичности, соотношения в ней русского и европейского, места России в семье европейских держав, ее особого предназначения в мире (с. 8 - 9).

Джонсон выделяет и подробно рассматривает три течения, сформировавшие краеведение: охрана памятников, экскурсионное «течение» и собственно исследования родного края. Основа трех направлений - литературная. Именно литературная составляющая, по мысли автора, позволила трем разрозненным направлениям оформиться в одно целое и начать восприниматься в качестве единой научной дисциплины. Поэтому такое большое внимание она уделяет путеводителю как уникальному источнику и специфической форме воплощения результатов краеведческих исследований.

Джонсон поэтапно анализирует становление петербургского краеведения. Она начинает с рассмотрения текстов о Петербурге, вышедших в XVIII—XIX вв. и включающих в себя как описания города и его достопримечательностей, так и литературные произведения, в том числе фельетоны и «физиологические очерки», а также такие шедевры, как «Медный всадник» А. С. Пушкина, повести Н.В. Гоголя, романы Ф. М. Достоевского. Путеводители 1830 - 1840-х годов также содержали элементы художественной литературы и «литературных прикрас» (с. 33). В пореформенную эпоху с ослаблением цензурного

гнета и повышением интереса к родной истории появился новый тип путеводителя, рассказывающего о прошлой, а не о современной жизни города. Наиболее популярным писателем ландшафтов и истории Петербурга и пригородов стал М. И. Пыляев. В его очерках о «забытом прошлом» Северной столицы и ее окрестностей культивировался новый тип «ностальгического национализма», они способствовали популяризации термина «Старый Петербург» (с. 42). Работы Пыляева, считает автор, заложили основу для вспыхнувшего в начале XX в. интереса к исследованию города (краеведению) и сохранению его исторического облика.

Большое внимание Джонсон уделяет рассмотрению деятельности объединения «Мир искусства» в области изучения и охраны памятников «Старого Петербурга», которая оказала непосредственное воздействие на становление краеведения в столице. Особое значение она придает таким известным журналам Серебряного века, как «Мир искусства», «Художественные сокровища России» и «Старые годы», в которых большое место отводилось материалам о Петербурге. На их страницах печатались В. Курбатов, П. Столянский, Г. Лукомский, которые вели большую работу по изучению Северной столицы: создавали базовые путеводители по Петербургу и пригородам, описания парковых ландшафтов и аннотированные библиографии (с. 58). Движение по охране памятников, по мнению Джонсон, начинается с того момента, как А. Бенуа стал редактором журнала «Художественные сокровища России». После его закрытия новым «рупором» движения становится журнал «Старые годы» (1907-1916).

Автор уделяет внимание и деятельности неправительственных организаций по охране культурного наследия, в частности, основанному в 1910 г. бароном Николаем Врангелем Обществу защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, имевшему филиалы и в других городах. Большинство же обществ и организаций охватывало только Петербург и пригороды, которые оставались в центре внимания вплоть до революции. В 1907 г. Комиссией изучения и описания Старого Петербурга был создан Музей Старого Петербурга, в котором хранились документы и элементы декора, спасенные из разрушаемых зданий. Принципы деятельности этих организаций были заимствованы в ранний советский и постсоветский периоды, отмечает автор (с. 67 - 68).

История движения по охране исторических памятников в первые

послереволюционные годы началась, пишет Джонсон, с создания в феврале 1917 г. так называемой Комиссии Горького, в которую вошли Бенуа, Лансере, Добужинский, Лукомский, Рерих, Билибин, Петров-Водкин, Шаляпин и др. В книге рассматривается деятельность художественно-исторических комиссий, созданных летом 1917 г. для инвентаризации движимого имущества дворцов Петрограда и его окрестностей. В результате за два года было составлено подробное научное описание и сфотографированы значимые художественные и исторические объекты в Эрмитаже, Царском Селе, Гатчине, Петергофе. Любопытно, замечает автор, что комиссии - единственные органы бывшего Министерства императорского двора, сразу согласившиеся сотрудничать с большевиками и потому получившие поддержку А. В. Луначарского, народного комиссара просвещения. Комиссии стали заниматься превращением пригородных дворцов в музеи, воссоздавая в них обстановку соответствующей эпохи. Сотрудничая с большевиками, Бенуа, Верещагин, Тройницкий, Вейнер и др. занимали высокие посты в Комиссариате просвещения в годы Гражданской войны, однако ко второй половине 1920-х годов многие из них были вынуждены эмигрировать, будучи не в состоянии принять партийную линию и проводимые партией широкомасштабные кампании индустриализации, коллективизации и советизации общества. Иные решили переждать «бурю культурной революции» в своих кабинетах (с. 81).

В первые послереволюционные годы Бенуа и его единомышленники способствовали созданию двух организаций, которые неизменно упоминаются, когда речь идет об истории краеведения. Осенью 1918 г. был создан Музей Города, расположившийся в здании Аничкова дворца и включивший в качестве одного из отделов Музей Старого Петербурга. Музей Города занимался развитием и перепланировкой Петрограда, но иногда использовал свои возможности для сохранения исторических памятников. Например, музей выразил протест в 1924 г. против замены ангела на Александровской колонне статуей Ленина или иным советским символом. В 1928 г. многие работники музея были уволены в результате проверки, осуществленной Ленинградской областной рабоче-крестьянской инспекцией, а экспонаты - распроданы для финансирования первой пятилетки (с. 87). В 1930-е годы музей просуществовал под разными именами, дистанцируясь в своей деятельности и идеологии от всего «старомодного» или «несоветского», и был закрыт в июле 1941 г.

Вторая организация, Общество по изучению, популяризации и художественной охране Старого Петербурга и его окрестностей, была создана осенью 1921 г. Ее краткое название — Общество Старого Петербурга - выражало почтение к дореволюционной традиции. В 1922-1923 гг. сотни волонтеров общества работали в Петрограде, фотографируя, измеряя, регистрируя памятники, находящиеся под угрозой. Было осуществлено несколько проектов по реставрации, открыт ряд музеев. Обществом проводились семинары, устраивались концерты, лекции и экскурсии. Проводился сбор экспонатов для Музея Старого Петербурга. Все это, подчеркивает Джонсон, осуществлялось без финансовой поддержки правительства. Организованный при Обществе Комитет помощи устраивал различные мероприятия для сбора средств. После 1924 г. и общество, и комитет пришли в упадок в силу экономических и политических причин. Государство, по замечанию автора, стало вмешиваться в дела гуманитарных наук намного раньше, чем естественных, и оказывало уже в начале 1920-х годов давление на культурные организации.

В главе «Экскурсионное движение и экскурсионная методология» большое внимание уделяется творчеству Н. П. Анциферова, которого Джонсон называет ключевой, наравне с А.Н. Бенуа, фигурой в изучении Петербурга. Имя Анциферова связано с русским экскурсионным движением, уходящим корнями в начало XX в. Экскурсионное движение, пишет автор, зародилось в России в рамках педагогической реформы: преподаватели ряда петербургских учреждений стали вводить экскурсию как новый живой подход к преподаванию любой дисциплины. В 1920-е годы на основе «экскурсионного метода» возникли научно-исследовательские институты, образовательные учреждения (например, Петроградский Экскурсионный институт, организованный в 1921 г. при Наркомпросе), создавались систематические программы краеведческих исследований, путеводители нового вида.

Еще одна фигура в экскурсионном движении - И. М. Гревс, историк и преподаватель, специалист по истории Древнего Рима и большой знаток Петербурга, систематизатор экскурсий по гуманитарным и социальным наукам, сторонник их внедрения в образовательные программы. Гревс внес большой вклад в методологию краеведения, при помощи собственного метода обучая студентов технике исследования культуры «избранных топографических районов». Гревс создавал особую атмосферу для изучения каждого города:

исследование начиналось с обозрения городской панорамы с центрального собора, а для создания особого эмоционального состояния зачитывались характерные произведения эпохи (с. 103). Благодаря Гревсу, Райкову и другим дореволюционным специалистам, согласившимся сотрудничать с советской властью, Петроград сохранил на какое-то время статус образовательного центра и лидера в экскурсионном деле, несмотря на то что столица весной 1918 г. была перенесена в Москву. Гревс стал и одним из ведущих организаторов Экскурсионного института, его труды по «градове-дению» и работы его учеников, подготовивших программы экскурсий на основе идей своего учителя, составили основное научное наследие этой организации (с. 123).

В главе «Экскурсии и литературные туры» анализируется преимущественно один из видов экскурсий - литературные. Автор рассматривает книгу Анциферова «Быль и миф Петербурга» (1924) как образец экскурсионного пособия, в котором содержится не только историко-географический материал, но и анализируется «Медный всадник» А.С. Пушкина. В 1920-е годы Анциферов разработал целую серию литературных экскурсий, причем помимо пушкинского «Медного всадника» его внимание было приковано к романам Ф.М. Достоевского («Петербург Достоевского»). Автор останавливается и на других типах экскурсий, многие из которых делали акцент на отдельных достопримечательностях — императорских резиденциях, церквях, монастырях, а также на промышленных объектах, которые рассматривались как особая социальная среда (с. 142).

Начиная с 1924 г. советская идеология стала оказывать заметное влияние на тематику экскурсий, их назначение также стало меняться. Можно сказать, что началось свертывание экскурсионной работы в дореволюционном, академическом понимании, когда экскурсии воспринимались как важная составляющая образования. В экскурсионных пособиях появлялись такие темы, как классовые, производственные отношения, борьба трудящихся. Главным объектом исследования становилось настоящее, а не прошлое. Стали организовываться экскурсии в колхозы, в рабочие поселки, а не по местам блистательной жизни дворянства XVIII и XIX вв. И все-таки, подчеркивает автор, специалисты экскурсионного дела предпринимали попытки приспособить требования эпохи к собственным интересам, из любого идеологически ограниченного предмета создать органичную, инновационную экскурсию (с. 144). По мнению Джонсон, закату

«золотого века» экскурсионной работы способствовали возрастающее идеологическое давление, дальнейшее сокращение финансирования в Наркомпросе, изменения в педагогических подходах, межведомственные конфликты и столкновения на личном уровне.

В конце 1920-х - начале 1930-х годов экскурсии становятся частью индустрии досуга, все чаще по отношению к экскурсионной работе применяется термин «туризм». Партия стремилась к продуктивному использованию досуга. В марте 1930 г. было создано Общество пролетарского туризма и экскурсий, в задачи которого входило сделать туризм социально ориентированным (с. 147-148). Предпочтение отдавалось групповым экскурсиям для рабочих. В музеях экскурсии проводились специально обученными штатными гидами на основе утвержденных экскурсионных планов. Ожидалось, что отныне все туры будут отражать какое-то политическое послание. Контроль над информацией, над тем, что говорилось и что воспринималось, особенно в отношении образа жизни Романовых, становился повсеместным (с. 150).

В отдельной главе рассматривается краеведение в Санкт-Петербурге. В отличие от экскурсионного дела, которое разрабатывалось для нужд образования, занятие краеведением подразумевало изучение своего региона. Среди краеведов существовали разногласия в определении области исследования: одни считали краеведение совершенно новой наукой, другие методом, третьи — «народным движением». В самом широком смысле краеведение представляло собой любое междисциплинарное исследование территории России. Изучение края, в котором жил данный исследователь, отражало потребность в знании о своем отечестве, в его понимании и служении ему (с. 157). В институциональном отношении в 1920-е годы краеведение представляло собой сеть провинциальных организаций, возникших после Гражданской войны. В Наркомпросе осознавали, что музеи, архивы, коллекции были на грани исчезновения, и за ограниченностью собственных ресурсов полагались на провинциальные культурные ассоциации, состоявшие из добровольцев.

В декабре 1921 г. Академическим центром Наркомпроса была организована Первая конференция научных обществ по изучению края, в которой приняли участие как педагоги, так и исследователи. Для координации деятельности различных краеведческих обществ при Академии наук было основано Центральное бюро краеведения (с. 159).

Однако Академия наук не приняла в совет Центрального бюро краеведения (ЦБК) представителей провинции, оставив только членов от Москвы и Петрограда, что разъединяло провинцию и центр. Это решение казалось странным, поскольку в 1920-е годы краеведение считалось занятием исключительно провинциального характера. Однако по результатам конференции краеведческое движение распалось на деятельные провинции и административный центр (с. 162). Поскольку краеведы в провинциях считались скорее любителями, Академия наук не разрешила их представителям являться в центр, где краеведческими вопросами занимались специалисты академического толка, среди них - Ольденбург, Платонов, Ферсман, Анучин. В журналах «Краеведение» и «Известия ЦБК» последние постоянно противопоставлялись дилетантам в провинциях, деятельность которых определялась заданиями и инструкциями, поступающими из центра (с. 159—160).

В Петрограде до 1925 г. появилось только несколько активных краеведческих групп, работавших в отдаленных от столицы и пригородов районах полусельского характера. Первой крупной организацией стало основанное в мае 1925 г. Ленинградское общество изучения местного края. ЦБК осознало, что провинциальная ориентированность краеведения ограничивала его рост и развитие, и принялось продвигать краеведение в столицах. В условиях свертывания экскурсионного дела многие старые исследователи захотели влиться в ряды краеведов. Среди краеведов Северной столицы оказались бывший редактор журнала «Экскурсионное дело» И. И. Полянский, автор географических экскурсий Г. Г. Шенберг и знаменитый И. М. Гревс (с. 163). К концу 1920-х годов по всему СССР функционировало около 2000 краеведческих групп, совокупное число участников которых составляло 50 000 человек. Финансировалось ЦБК через Наркомпрос. На протяжении 1920-х годов краеведческие организации оставались относительно самостоятельными, а в функции ЦБК входило лишь координирование деятельности разбросанных по стране организаций (с. 166).

В 1926 г. обострилось соперничество между Москвой и Ленинградом, после того как на Шестой сессии краеведения москвичи выступили как отдельный блок, противопоставив себя «академикам» из Северной столицы. Фактически заняв проправительственную позицию, московские краеведы поддержали идею о практической ориентированности краеведения, об обслуживании специалистами-

краеоведами потребностей развития промышленности, модернизации инфраструктуры. В результате резкой критики, прозвучавшей в адрес ленинградцев и их «академических» ценностей от членов партии на Третьей Всероссийской конференции по краеведению (декабрь 1927 г.), организационно-управленческие функции были переданы московской фракции краеведов, а ленинградцев обязали заниматься исключительно научной и методической работой (с. 171).

Акцент в новых политических условиях, пишет Джонсон, должен был делаться на технологиях и естественных науках, краеведы были лишены свободы действий, и их публикации в основном касались городского планирования, строительных проектов, промышленности. Началась борьба между «историческим (буржуазным)» и «производственным» краеведением, насаждавшимся сверху. Оплотом «исторического» краеведения считались ленинградские «академики», и в результате многие из них были арестованы в 1929 г. (с. 174)

В августе 1927 г. все провинциальные краеведческие организации были переданы под юрисдикцию Наркомпроса, за чем, отмечает автор, посыпались указы «сверху», принуждавшие краеведов участвовать в государственных экономических программах, что фактически свело на нет деятельность ленинградской фракции (с. 189). Именно последняя стала основной мишенью при проводившихся в 1930 - 1931 гг. в академической среде арестах. Академики были обвинены в организации контрреволюционного заговора, в использовании ЦБК в качестве платформы для поиска единомышленников. Отдавшие указ о проведении академических чисток, считает Джонсон, видели двух противников «централизации и гегемонии Москвы»: ленинградскую интеллигенцию и движение региональной культурной автономии. Причем, отмечает она, если для Академии наук кампания 1929 - 1931 гг. означала «временную опалу и бессрочную утрату независимости», то для краеведения почти тотальное уничтожение. Весной 1930 г. было ликвидировано ленинградское отделение Бюро краеведения, началась реорганизация провинциальных структур на началах строгой иерархии, где под видом борьбы с «любительщиной и кустарщиной» изживалась волонтерская суть краеведения. Старые краеведы исчезли, и никто не пришел к ним на смену, пишет автор (с. 176).

К середине 1930-х краеведение ушло в забвение и смогло относительно воспрянуть только в хрущёвскую «оттепель». Советские руководители послесталинского времени были лояльны к краеведению, воспринимая

его скорее как удачную форму досуга, способ развивать патриотические настроения. Возрождению ленинградского краеведения, пишет автор, способствовал опыт блокады, во время которой между ленинградцами, добрая половина которых умерла голодной смертью, и их городом, разрушенным в результате бомбежек, сформировалась особая тесная связь. Реставрация и реконструкция дворцов и памятников императорской эпохи после войны способствовали бурному всплеску интереса и любви к дореволюционному прошлому. Восстановление разрушенного города дало ему новую идентичность - идентичность города-героя, восставшего из пепла во всей своей красоте и великолепии. В результате в Ленинграде появилось множество краеведов-любителей, каждый из которых хотел внести свой вклад в исследование города. В этом отношении наследие 1920-х годов оказалось неоценимым.

В заключении Джонсон отмечает, что в 1990-е годы краеведение превратилось в платформу оппозиции центральному правительству. В публикациях выражались опасения относительно влияния Москвы на культурные процессы в провинции, особенно в отношении таких городов, как Санкт-Петербург и Новгород, на разных исторических этапах представлявших культурную и политическую альтернативу Москве. В последние годы отмечается оживление в деятельности краеведов, которые пытаются устанавливать контакты со своими зарубежными коллегами в Германии, Франции, США, участвовать в международных конференциях и совместных публикациях.

Т.К. Сазонова